

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЖЕНСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»

Ли Ли, Чжан Лися

*Северо-Западный педагогический университет, Ланьчжоу, Китай;
13893163566@163.com; 1432289102@qq.com*

Аннотация: Исследователи романа Дины Рубиной «Синдром Петрушки» чаще всего обращают внимание на мотивы кукольности и двойничества. Однако содержание этого произведения намного шире. Лингвокультурологическая теория В.В. Воробьёва помогает проанализировать сферу концептов женского сознания, которые представлены в этом романе. Взаимосвязь, взаимовлияние и взаимодействие концептов «материнство», «любовь», «мораль», «патриархальные представления» и «убеждения» позволяют на глубинном уровне проанализировать сознание женщин, воспроизведенное писательницей, а также четко обрисовать особенности женских персонажей. Все это дает совершенно новую точку зрения на уже хорошо исследованное произведение. Проведенная работа позволила выяснить, что лингвокультурологическое поле женского сознания в этом романе образуют культурные концепты «материнство», «любовь» и «мораль». В художественной картине мира Рубиной эти концепты взаимосвязаны и взаимозависимы, они складываются в общее представление о мире женской культуры. В статье обсуждаются также патриархальные представления и убеждения, находящиеся на периферии лингвокультурологического поля романа Рубиной.

Ключевые слова: женское сознание; патриархат, лингвокультурологическое поле; культурная концепция; характеристики женских персонажей

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15

Для цитирования: Ли Ли, Чжан Лися. Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 172–184.

LINGUOCULTUROLOGICAL FIELD OF FEMALE CONSCIOUSNESS IN DINA RUBINA'S NOVEL *PUNCH SYNDROME*

Li Li, Zhang Lixia

*Northwest Normal University, Lanzhou, China;
13893163566@163.com; 1432289102@qq.com*

Researchers of Dina Rubina's novel *Punch Syndrome* most often pay attention to the motives of puppetry and duality. However, the content of this work is much broader. The linguocultural theory of V.V. Vorobyov helps to analyze female consciousness concept sphere, which is most important for this novel. The interrelation, mutual influence and interaction of 'motherhood', 'love', 'morality', 'patriarchal ideas' and 'beliefs' concepts allow us to analyze the consciousness of women reproduced by the writer at a deep level, as well as to outline clearly the features of female characters. All this offers a completely new point of view on an already well-researched work. Conducted research made it possible to find out that the linguistic and cultural field of female consciousness in this novel is formed by the cultural concepts of 'motherhood', 'love' and 'morality'. They connect into the central structure of this field. In Dina Rubina's worldview these concepts are interrelated and interdependent, they form a general idea of women's culture. Patriarchal ideas and beliefs remain on the periphery, and that is also taken into consideration.

Keywords: female consciousness; linguistic and cultural field; cultural concept; characteristics of female characters

For citation: Li Li, Zhang Lixia (2023). Linguoculturological Field of Female Consciousness in Dina Rubina's Novel *Punch Syndrome*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 172–184.

Творчество Дины Рубиной представляет значительное явление в современной русскоязычной литературе. Ее произведения посвящены актуальным темам, в них поставлены важные проблемы и затронуты непростые мировоззренческие вопросы. И многие из них сходятся в романе «Синдром Петрушки» [Рубина 2022]. Это заключительная часть трилогии «Люди воздуха», в которую входят романы «Почерк Леонардо» и «Белая голубка Кордовы». Вся трилогия сосредоточена на таинственных причинах, которые стоят за внешне понятными событиями и явлениями. Писательница исследует тайны бытия и показывает глубинную подоплеку происходящего. Но при этом в итоге тайна все равно остается тайной, загадку должен разрешить каждый читатель самостоятельно.

Из всей трилогии роман «Синдром Петрушки» выделяется своей сложностью и многоплановостью. Здесь есть и экзистенциальные вопросы, и мотивы оборотничества, и отсылки к трагической истории XX века, и проблемы культурного взаимодействия различных национальностей. Не удивительно, что такое глубокое произведение вызвало большой интерес у исследователей современной литературы. Следует особо отметить, что первые работы о творчестве Дины Рубиной появились еще в середине 1990-х гг. Литературоведы изучают проблематику ее творчества, занимаются анализом культурной символики ее текстов и художественных приемов.

Например, Ю.М. Павлов изучает ее творчество в контексте русской и русскоязычной литературы. Исследователя интересует на-

циональная идентификация и ее проявление в произведениях писательницы. По его мнению, Дина Рубина является не русским автором, а именно русскоязычным, и это обнаруживается в особенностях ее гуманизма, юмора, восприятия чуждого, философии поведения и т. д. [Павлов 2012]. Мультикультурализму в творчестве Рубиной и ее работе с элементами той или иной культуры посвящены многочисленные исследования Т.Н. Бреевой и Д.Д. Зиятдиновой. Одну из ключевых тем Рубиной — образы мудрецов и праведников — исследует Ю.А. Клочкова. Мотивы двойничества в трилогии «Люди воздуха» описаны в работах Т.С. Злотниковой и М.А. Соболевой. И это только малая часть исследований творчества писательницы.

Довольно много работ посвящено именно роману «Синдром Петрушки». В.Ю. Пановица обращает внимание на его метафорический уровень. Исследовательница проанализировала структуру романа и выявила основную метафорическую модель — «Мир — это театр кукол» [Пановица 2013], описав, как она реализуется в тексте. В статье «Роль обратимых метафорических моделей в романе Д. Рубиной “Синдром Петрушки”» этого же автора исследован лингвокогнитивный механизм выражения идеи двойничества и выявлены сферы метафорического моделирования [Пановица 2013]. Эти работы показывают важность применения методов лингвистики при изучении произведений Рубиной.

Многие исследователи обращаются к теме двойников и кукол в этом романе. Е.В. Зарубина рассматривает, как введение двойников помогает создать иную реальность. Особое внимание она обращает на образы кукольника Петра и его жены Лизы [Зарубина 2019]. Ю.В. Несынова использовала мотив кукольности для анализа разных уровней произведения — концептуального, композиционного, сюжетного, образного, выявила типологию образов кукол и кукольников, что позволило определить кукольность в качестве образно-смыслового ядра романа [Несынова 2015].

А.М. Бабаева и Ш.А. Мазанаев увидели в «Синдроме Петрушки» роман-метафору и проанализировали его как типичный пример жанра. Процесс метафоризации, по мнению исследователей, реализуется не только в композиции, но и на лексическом уровне. Особенно важен мотив двоящейся реальности, благодаря которому Рубиной удается создать двойное художественное пространство. Каждая из реальностей имеет свои топосы и четкую детализацию. Авторы выделяют следующие метафорические модели в структуре «Синдрома Петрушки»: «жизнь-театр», «театр-жизнь», «люди-куклы», «куклы-люди», «кукольник-творец», «творец-кукловод» [Мазанаев, Бабаева 2018].

Инфантильность как важнейшее свойство обнаружила у героев романа Н.М. Солнцева: «Гениальная инфантильность, воплотивша-

яся в творческой одержимости, пронзительная восприимчивость в общении с куклами составляют», если следовать теории К. Юнга, «сознательное и бессознательное героя, его самость» [Солнцева 2017: 26]. Но если Лизе, жене Петра, убившей свое подобие, куклу Эллис, и решившей родить ребенка, удастся эту инфантильность преодолеть, то герой самозабвенно танцует на Карловом мосту в Праге, будто воспроизводит свои прежние танцы с куклой-партнершей.

С некоторых пор интерес к творчеству писательницы возник и в Китае. На китайский язык переведены и опубликованы два романа и шесть рассказов Рубиной. В 2020 году вышло подробное интервью, в котором она рассказала о своем творческом пути и ответила на вопросы китайских читателей [Ма Лян 2020]. Литературовед Чэнь Фан провел комплексное исследование творчества Дины Рубиной, системно описав биографию и обозначив вехи творческого пути [Чэнь Фан 2017]. Ли Нуань проанализировал отражение израильской культуры в произведениях писательницы [Ли Нуань 2019]. Как видим, усиливающийся интерес делает актуальным дальнейшее изучение произведений Рубиной в контексте международных исследований.

Как показывают многочисленные работы, романы Рубиной опираются в первую очередь на европейскую традицию. Использованные ею образы и метафоры работают совершенно по-другому в культурном пространстве Китая с его иным литературным опытом. Поэтому имеет смысл для наилучшего понимания художественной картины мира писательницы использовать лингвокультурологическую теорию В.В. Воробьева и понятие лингвокультурологического поля, которые получили распространение в России и очень популярны в Китае. Эта теория помогает установить связи между культурными дефинициями и их языковыми обозначениями, что особенно важно при воплощении в художественном произведении мультикультурной тематики.

В.В. Воробьев описывает понятие поля как совокупность лингвокультурем. Эти схожие культурные фрагменты составляют органичное целое, в котором можно выделить ядро, центр и периферию [Воробьев 1991]. В основном, правда, исследователи пока занимаются изучением отдельных слов. Но есть и работы, анализирующие лингвокультурологическое поле литературного произведения.

Китайские ученые Пэн Вэньчао, Лю Хун, Сюй Гаоюй и др. исследовали различные аспекты понятия лингвокультурологического поля, подробно описали его структуру [Пэн Вэньчао 2006] и определили различия между лингвокультуремой и логоэпистемой, предположив, что первая способна существовать лишь в иерархической системе [Лю Хун 2018]. Кроме того, была обобщена и систематизи-

рована информация, лежащая в основе теории национальной личности Воробьёва [Сюй Гаоюй 2001]. На плодотворность применения этой теории к произведениям женщин-авторов также было обращено внимание [Чжан Цзяньхуа 2006]. Посредством анализа лингвокультурем можно определить языковые значения, культурную ценность и функции организации текста, которые являются показательными для женского литературного творчества [Лю Хуан 2018].

Анализ женского сознания с точки зрения лингвокультурологического поля позволяет раскрыть эмоциональное содержание образов и особенности характеров героев «Синдрома Петрушки». Анализ сознания героинь этого романа существенен для понимания художественного мира Рубиной и особенно для их интерпретации с точки зрения основных ценностей китайской культуры. Связи между лингвокультурами дают возможность не только сформировать представление о глубинных значениях различных культурных моделей, но также выявить основные параметры стоящей за ними национальной культуры и сравнить таким образом наполнение этих понятий в восприятии русских и китайских читателей.

Комплекс ключевых лингвокультурем охватывает основные понятия и реалии, а также синонимичные и антонимичные отношения. Периферийная структура образуется из лингвокультурем, находящихся на пересечении различных элементов содержания или на границах двух разных лингвокультурологических полей. Взяв в качестве ядра женское сознание, в качестве центральной структуры — концепты «материнство», «любовь» и «мораль», а в качестве периферии — патриархальные представления и убеждения, можно выстроить лингвокультурологическое поле романа.

Важнейшим из концептов, безусловно, является материнство, о котором пойдет речь ниже. Обращение к нему поможет исследовать поликультурную тематику романа, раскрыть образы женских персонажей (а по сходству или контрасту и мужские), проанализировать их характеры. В целом эта методика позволяет достаточно полно реконструировать художественную картину мира Рубиной с точки зрения восприятия ее основных параметров в сфере китайской культуры.

Концепт материнства включает материнский инстинкт, т. е. безусловную любовь к детям, а также присущую большинству женщин способность по-матерински защищать и любить людей или даже некоторые вещи. Это понятие в первую очередь ассоциируется с матерью, которая тепло относится к детям, на протяжении жизни поддерживает их, не может справиться с горем в случае утраты ребенка. Очевидно, материнское сознание — это одно из основных проявлений женской субъективности.

И в «Синдроме Петрушки» Рубина понимает материнство именно таким образом — прежде всего как любовь и защиту. С тех пор как мать Пети, Катя, вышла замуж за Ромку, в ее жизни остались только повседневные заботы. Отношения с мужем, которого интеллесовали лишь спиртное, женщины и бильярд, у нее не сложились. Зато она беззаветно любит сына, забота о нем стала целью и смыслом ее жизни. Петя плохо учился, он замкнут, нелюдим, не идет на контакт. Отсутствие реакции на задаваемые вопросы и упорное молчание вызвали у учительницы сомнение в психическом здоровье ребенка, и она посоветовала показать Петю психологу. Катя заступилась за сына и решительно отвергла это предложение.

Она нашла способ сгладить противоречия, потому что хорошо знала свое дитя. Петя мог нормально общаться, если в его руке был кусок пластилина, из которого он все время старался что-то вылепить. Материнские любовь и внимание помогли мальчику: «Петина учеба если и не выправилась так, как о том Кате мечталось, то все же постепенно пошла на лад — во всяком случае, ужасные разговоры о спецшколе для дураков больше не возобновлялись» (с. 106). Подобная забота о ребенке и вера в него исходят из материнского инстинкта. Хотя по своему характеру Катя слабая женщина, однако она готова противостоять другим, если нужно защитить сына. В этом проявляется ее материнское чувство.

Также концепт «материнство» означает у Рубиной поддержку и преданность. Бася дарит искреннюю любовь и заботу неродной дочери Кате и внуку Пете. Эта простая, очень добрая и не очень умная женщина с ангельским сердцем воплощает идеал материнства. Бася готова отдать детям буквально все, она полна нежности и любви к внуку. Внук ее умиляет: «Какой милый, не глупый, не заносчивый... какой послушный ребенок» (с. 148). Когда Петя первый раз прилетел в Львов на летние каникулы, Бася приехала заранее и даже заночевала в аэропорту. Она постоянно о нем заботится и переживает за его эмоциональное состояние.

Концепт «материнство» подразумевает самопожертвование. В годы войны Бася под угрозой собственной жизни в тайнике, устроенном в тележке прачки, перевозила еврейских детей из гетто в безопасную зону. Она вышла замуж за отца Кати и заботилась о неродной дочери даже больше, чем в свое время биологическая мать, а потом еще сильнее полюбила внука Петю. И даже на смертном одре она думает только о благополучии внука и старается не быть ему в тягость. Можно сказать, Бася посвятила жизнь детям, полностью забыв о самой себе, что также в полной мере коррелирует с концептом «материнство».

Второй важный концепт лингвокультурологического поля в романе — любовь. Сложно определить содержание этого понятия. У слова «любовь» много разных значений, которые проявляются в зависимости от контекста. В «Словаре русской культуры» академika Ю.С. Степанова такие понятия, как «любовь», «вера», «радость», «София», «разум» и другие, используются для раскрытия национальных духовных особенностей и языковой картины мира русской культуры [Лю Хун 2017]. В «Синдроме Петрушки» Рубина на примере истории главной героини показывает любовь мужчины и женщины как полноценное и постоянно развивающееся взаимное чувство. Эта прекрасная вдохновляющая сила помогает преодолеть трудности жизни, обогащает внутренний мир человека, дарит ему неповторимый эмоциональный опыт и способствует развитию творческого потенциала.

Писательница показывает это чувство как род высокого безумия. Лиза теряет рассудок и чуть ли не сходит с ума, когда ей начинает казаться, что это чувство переносится на куклу Эллис — точную копию самой Лизы. Для Лизы с самого детства в Пете заключен весь мир. Каждое расставание с объектом любви порождало у нее тоску, каждый день разлуки приравнивался ею к трем годам. При встрече с Петром она не удерживалась от того, чтобы броситься ему в объятия. Так проявлялась горячность ее чувства. Все начинает меняться после смерти ребенка и появления Эллис. Но несмотря на все ссоры и разногласия, героиня постоянно думает о Пете и только в нем видит реализацию своих представлений о счастье. Друг Пети Борис, который помогает Лизе прийти в себя, увлечен ее очарованием и однажды пытается за ней поухаживать: «Она не дернулась, не сбросила моей руки, не рассердилась; только обернулась и спокойно проговорила, глядя мне прямо в глаза: “Безнадежно, Боря. Я уже пыталась... Он сделал меня только для себя одного”» (с. 221).

При этом Рубина демонстрирует, что любовь может быть в чем-то даже и эгоистичной. После смерти ребенка Лиза много времени проводит в психиатрической клинике. Она скучает по Пете, но не интересуется тем, что с ним происходит. Лиза постоянно пишет ему мучительные обвиняющие письма и требует расставания. После ее выздоровления ситуация меняется. Нестабильность делает отношения героев напряженными и только усиливает их стремление друг к другу. В этом заключается сила любви: пока любовь существует, будут найдены пути для преодоления разногласий, разрешатся все обиды. Как видим, Рубина находит особые краски для характеристики женского чувства, не скрывая непоследовательности, противоречивости, порою злого кокетства, сосредоточенности на себе. Таким образом она показывает своеобразие внутреннего

мира поглощенной любовью женщины, ее стремление обратить на себя внимание возлюбленного, стать для него центром мира.

Любовь Пети — это с самого начала любовь взрослого человека, хотя когда он впервые увидел Лизу, ему было девять лет, а ей меньше года. Эта любовь более сдержанная и направленная на неизменную поддержку любимой женщины. Петя наблюдает весь процесс взросления Лизы. Он помнит ее еще младенцем, потом она становится тонкой, изящной девушкой. Все это время Петя использует любую возможность быть рядом с ней. Наконец он женится на Лизе, и у них рождается ребенок. Но Петя по-прежнему относится к ней как к маленькой. Он дарит ей тепло, заботу и любовь, в его чувстве даже есть что-то отцовское. Постепенно он заполняет собою всю жизнь Лизы. Она более не может без него обходиться.

Рубина не дает своей, авторской оценки такой всепоглощающей любви, однако постоянно демонстрирует ее силу и таинственную предопределенность, словно герои были предназначены друг для друга задолго до рождения. Вот что говорит о них Борис, один из героев-рассказчиков: «Они были похожи на детей, что пережили оспу, выжили, но навсегда остались с изрытыми лицами. Эти двое стали жертвой особо свирепого вида любви: страстной, единоличной, единственной; остались в живых, но уже навсегда были мечены неумолимо жестокой любовью» (с. 321).

Третий, не менее важный концепт — мораль. Он способен отражать национальные нравственные представления, а также характеризовать под определенным углом мировоззрение и систему ценностей национальной культуры. Моральные установки женских персонажей позволяют судить о нравственных ценностях самого автора, а также дают представление о характере морали в составе культурного сознания персонажей. В романе можно выделить три моральные категории: самопожертвование, сострадание и спасение других ценой собственной жизни, что подразумевает ответственность за судьбу другого человека. Как видим, частично содержание концепта «мораль» пересекается с концептом «материнство».

Первая категория — самопожертвование. Кроме образа Баси, неродной бабки Пети, о которой уже шла речь выше, здесь еще можно отметить Яну — мать Лизы. Эта женщина абсолютно лишена самостоятельности и независимости характера. Вместе с сестрой они в раннем возрасте осиротели, воспитывала их сначала бабушка, а потом дядя Тадеуш Вильковский. За этого дядю, игрока и мота, Яна выходит замуж и рождает от него дочь. Однажды Вильковский проигрывает в карты все их имущество, и Яна вынуждена жертвовать собой, чтобы спасти семью от разорения. Она всю жизнь помогает мужу. А когда обнаруживается, что от него беременна ее

младшая сестра, Яна лишает себя жизни ради защиты своего мужа и семьи: «В глазах ее — смерть, в губах ее — смерть, на лбу ее — смерть...» (с. 249). Эта жертва доказывает самоотверженность слабой женщины, преодолевающей моральные препятствия ради благополучия своих близких.

Вторая категория — сострадание и спасение других — лучше всего раскрывается в образе прачки Баси, второй жены Петинного деда. Бася не может видеть, как невинные дети становятся жертвами. Она многократно рискует собственной жизнью во время войны, чтобы вывезти из опасной зоны еврейских детей. Об этом Петя рассказывает в письме Борису: «Единственный человек, которому она открылась, был мой дед; тот смастерил ей такую хитрую тачку на колесах, якобы для перевозки белья. Под днищем этой тачки было еще одно дно, где мог спрятаться ребенок. Такой вот ящик Пандоры, тележка фокусника. В нем Бася и вывозила еврейских детей из гетто» (с. 352). Благородство, добродетель и одаренность умением любить — ее врожденные качества. Эту героиню можно назвать ангелом или святой, посвящающей свою жизнь другим людям.

Третья категория — ответственность. Она порой проявляется в поведении Пети и особенно его матери Кати, которая всю жизнь выполняла свой долг. Ее муж Ромка — бездельник, любящий только развлечения. Катя же совмещает три ипостаси: жены, матери и педагога. Она берет на себя ответственность за семью. При этом показана и ее общественная деятельность: Катя любит работу учительницы, стремится развивать творческие способности своих маленьких учеников, постоянно ищет новые методы работы. Но и сын не остается обделенным любовью матери, она заботится о нем, уважает его интересы. Именно она поддержала Петю в выборе жизненного пути, когда он решил стать актером-кукольником.

Итак, центральная структура лингвокультурологического поля состоит из концептов «материнство», «любовь», «мораль». Ядром, конечно же, становится концепт материнства, включающий такие лингвокультуремы, как любовь и забота, любовь к ребенку, поддержка, самоотверженность, самопожертвование и т. д. Этот концепт глубоко укоренен как в русской, так и в мировой культуре и является одним из основополагающих для женского сознания. Это вполне отражено и в лексическом составе русского языка. И для художественного мира Рубиной этот концепт стал основным. Но материнство в романе, как видим, показано с разных сторон. Так, Лиза демонстрирует отношение к любви и материнству на новом историческом этапе, когда женщины начали уделять больше внимания своим чувствам и личной независимости. Она является современной женщиной, но в то же время наследует и многовековым

традициям в этой сфере. Дополнительный анализ таких лингвокультурем, как самопожертвование, самоотверженность, сострадание и ответственность, показывает, что семантический смысл категории любви в какой-то степени остается прежним, приближаясь в некоторых своих характеристиках к концепту материнства.

Но в этом романе существует еще и периферийная структура лингвокультурологического поля. И очень важно понять, что его наполняет. Одним из значимых концептов становится патриархат, который в полной мере проявляется в поведении героев-мужчин. Стоит напомнить, что на протяжении долгого времени положение мужчины было несравнимо выше статуса женщины. Женщины подчинялись этому гендерному порядку, и связанные с ними лингвокультуры всегда находились на периферии культурного сознания. Анализ лексического состава фрагментов текста позволяет глубже осознать отраженные в романе патриархатные представления, а также увидеть дополнительные черты в характеристике женского сознания. В то же время глубоко укоренившиеся патриархатные представления проявляются в культурном контексте весьма сложно и скрытно [Чжай Шу 2010]. Чтобы не выходить за рамки этого исследования, укажем только на одного персонажа, в речи которого патриархатная властность бросается в глаза.

Помимо пьяницы Ромки, о котором говорилось выше, есть еще Тедди Вильковский. В языке и поведении обоих героев ярко проявляются особенности патриархатной культуры. И не удивительно, что один из проходных персонажей во время карточной игры говорит следующее: «О, нет, вы ошибаетесь, Вильковский. У вас есть капитал. У вас есть настоящее сокровище — ваша супруга. Ну так что, — “пишем козачка”? Боюсь, только это вас не спасет» (с. 245). Именно тогда Вильковский проиграл в карты свою жену, и Яне в очередной раз пришлось жертвовать собой. Очевидно, что патриархальная культура в определенной степени лишала женщин личной независимости, сковывала их дух, заставляя жить под давлением авторитета, под контролем, не давая выбора.

Также немаловажно уяснить и лингвокультуру «убеждения». Убеждения воплощают жизненные ценности людей, позволяют прояснить внутреннюю работу персонажей над собой, выявляют авторскую аксиологию. Убеждения входят в структуру мировоззрения, способны направлять мысли, определять поступки людей. В романе концепт «убеждения» находится по большей части на периферии лингвокультурологического поля женского сознания. Однако вопрос об основных убеждениях, которых придерживаются героини романа, прояснить все же можно. Например, когда Петя попросил бабушку Басю отвести его ночью на могилу, пожилая

женщина вздрогнула и перекрестилась. Так читатели узнают, что Бася религиозна, хотя этот жест можно рассмотреть и как часть бытового ритуала. Но думается все же, что именно сила веры позволяет ей быть достойным человеком с высокими моральными качествами — способностью сострадать и сопереживать.

Таким образом, многочисленные исследования темы кукол и двойничества в романе Рубиной «Синдром Петрушки» дополняет анализ этого произведения со стороны основных категорий женского сознания. Напомним, что в качестве методологической основы была выбрана лингвокультурологическая теория В.В. Воробьева. Проведенная работа позволила выяснить, что лингвокультурологическое поле женского сознания в этом романе образуют культурные концепты «материнство», «любовь» и «мораль». Они входят в центральную структуру этого поля. В художественной картине мира Рубиной эти концепты взаимосвязаны и взаимозависимы, они складываются в общее представление о мире женской культуры. В периферийной структуре показаны патриархатные представления и убеждения. Они, с одной стороны, отражают положение женщин в обществе, становясь порой исходной точкой для пробуждения женского сознания. С другой стороны, в глубине своего сознания русские женщины сохраняют истинные ценности милосердия и любви. Можно сделать вывод, что внутренним ядром лингвокультурологического поля в указанном романе стало женское сознание, объединившее различные культурные концепты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьев В.В.* К понятию поля в лингвокультурологии (Общие принципы) // Русский язык за рубежом. 1991. С. 101–105.
2. *Зарубина Е.В.* Кукольность как мотив двойничества в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука, образование и культура. 2019. № 5 (49). С. 45–47.
3. *Ли Нуань.* Три вида выражения воспоминаний в русскоязычной литературе в Израиле. Пекинский университет иностранных языков, 2019.
4. *Лю Хун, Цао Хуэйлинь.* Женский ум: анализ лингвокультурологического поля в картине мира искусства: на примере романа «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой // Русская литература и искусство. 2017. № 4. С. 96–104.
5. *Лю Хун.* Лингвокультура русского языка и межкультурная коммуникация. Пекин, 2018.
6. *Ма Лян.* Я победила жизнь и, наконец, написала ее: интервью с русскоязычной писательницей Израиля Диной Рубиной // Современная иностранная литература. 2020. № 41 (03). С. 160–166.
7. *Мазанцев Ш.А., Бабаева А.М.* «Синдром Петрушки» Дины Рубиной как роман-метафора // Вестник Дагестанского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 45–50.
8. *Несынова Ю.В.* Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75–81.
9. *Павлов Ю.М.* Дина Рубина как русскоязычный писатель // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3–4 (55–56). С. 46–50.

10. Пановица В.Ю. Метафорическая модель «жизнь — это театр кукол» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 258–260.
11. Пановица В.Ю. Роль обратимых метафорических моделей в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник науки Сибири. 2013. № 2 (8). С. 155–160.
12. Пэн Вэньчжао, Чжао Лян. Лингвокультурология. Шанхай, 2006.
13. Рубина Д. Синдром Петрушки. М., 2022.
14. Солнцева Н.М. Репутация куклы. М., 2017.
15. Сюй Гаюй. Новое развитие лингвокультурологических исследований в России: базовое исследование лингвокультурологической теории В.В. Воробьева // Обучение русскому языку в Китае. 2001. № 3. С. 20–25.
16. Тарасова О.Д. Анализ лингвокультурологического поля «эмоции» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков). Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2009.
17. Чжай Шу. Действительно ли мы можем освободиться от культурного центризма патриархата? Значение патриархального общества с позиций женской литературы и культурного феномена // Литература Аньхой. 2010. № 9. С. 252–253.
18. Чжан Цзяньхуа. «Культурный поиск матери» в русской национальной истории: женская речь в романе «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой // Иностранная литература, 2006. № 5. С. 54–61.
19. Чэнь Фан. Д. Рубина: русскоязычная писательница Израиля // Мировая литература. 2017. № 4. С. 115–123.

REFERENCES

1. Vorobyev V.V. K ponjatiju polja v lingvokulturologii [On the concept of the field in linguoculturology (General principles)]. *Russian language abroad*. 1991, pp. 101–105. (In Russ.)
2. Zarubina E.V. Kukul'nost' kak motiv dvojnichestva v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [Puppetry as a motive of duality in Dina Rubina's novel "Petrushka Syndrome"]. *Science, Education and Culture*. 2019. N. 5 (49), pp. 45–47. (In Russ.)
3. Li Nuan. *Three Discourses of Memory in Israeli Russian Literature*. Beijing Foreign Studies University, 2019.
4. Liu Hong, Cao Huilin. «Female Mind»: An Analysis of the Linguistic and Cultural Field of the Art World Landscape — Taking Ullitskaya's novel Medea and Her Children as an Example. *Russian Literature and Art*. 2017 (04), pp. 96–104.
5. Liu Hong. *Russian Language Culture and Cross-cultural Communication*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2018.
6. Ma Liang. «I conquered life and finally described it». An Interview with Contemporary Israeli Russian Writer Dina Rubina. *Contemporary Foreign Literature*. 2020. No. 41 (03), pp. 160–166.
7. Mazanaev Sh.A., Babaeva A.M. «Sindrom Petrushki» Diny Rubinoj kak roman-metafora [«Petrushka syndrome» by Dina Rubina as a novel-metaphor]. *Bulletin of Dagestan University. Series 2. Humanities*. 2018. Volume 33. Issue 1, pp. 45–50. (In Russ.)
8. Nesynova Y.V. Motiv kukul'nosti v romane D. Rubinoj «Sindrom Petrushki» [The motive of puppetry in D. Rubina's novel "Petrushka Syndrome"]. *Philological class*. 2015. No. 2 (40), pp. 75–81. (In Russ.)
9. Pavlov Y.M. Dina Rubina kak ruskojazychny pisatel' [Dina Rubina as a Russian-speaking writer]. *Economy. Right. Print*. Bulletin of the CSEI. 2012. No. 3–4 (55–56), pp. 46–50. (In Russ.)

10. Panovitsa V.Y. Metaforicheseskaja model' «zhizn' — eto teatr kukol» v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [Metaphorical model «life is a puppet theater» in Dina Rubina's novel «Petrushka Syndrome»]. *Bulletin of Science of Siberia*. 2013. No. 1 (7), pp. 258–260. (In Russ.)
11. Panovitsa V.Y. Pol' obratimyxh metaforicheskikh modelej v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [The role of reversible metaphorical models in D. Rubina's novel «Petrushka Syndrome»]. *Bulletin of Science of Siberia*. 2013. No. 2 (8), pp. 155–160. (In Russ.)
12. Peng Wenzhao, Zhao Liang. *Language and Culturology* [M]. Shanghai: *Shanghai Foreign Language Education Press*, 2006.
13. Rubina D. *Sindrom Petrushki* [Punch Syndrome]. Moscow: *Eksmo*, 2022. 432 p. (In Russ.)
14. Solntseva N.M. *Reputatsija kukly* [Reputation of the doll]. Moscow: *Vodolej*, 2017. 176 p. (In Russ.)
15. Xu Gaoyu. The New Development of Language and Culture Studies in Russia: A Preliminary Study on the Linguistic Culturology Theory of V. Vorobyov. *Russian Teaching in China*. 2001. № 3. Pp. 20–25.
16. Tarasova O.D. *Analiz lingvokulturologicheskogo polja «emotsii» v sopostavitel'nom aspekte (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov* [Analysis of the linguoculturological field of «emotions» in a comparative aspect (based on the material of English and Russian languages)]. Moscow, 2009. (In Russ.)
17. Zhai Shu. Can we really get rid of male chauvinistic cultural centralism? — The influence of patriarchal society from the perspective of female literature and cultural phenomenon in the past dynasties. *Anhui Literature (Second Half)*. 2010. № 9, pp. 252–253.
18. Zhang Jianhua. «The Cultural Search for Mother» of Russian National History — Female Discourse in Ulitskaya's novel *Medea and Her Children*. *Foreign Literature*. 2006. № 5, pp. 4–61.
19. Chen Fang. Rubina: An Israeli Russian Writer. *World Literature*. 2017. № 4, pp. 115–123.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 17.02.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Ли Ли — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора института иностранных языков Северо-Западного педагогического университета (КНР); 13893163566@163.com

Чжан Лися — аспирант факультета русского языка института иностранных языков Северо-Западного педагогического университета (КНР); 1432289102@qq.com

ABOUT THE AUTHORS

Li Li — PhD in Philology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Northwest Normal University (PRC); 13893163566@163.com
Zhang Lixia — postgraduate student of the Russian Language Faculty of the Institute of Foreign Languages of the Northwest Normal University (PRC); 1432289102@qq.com